

Оптимальным является вариант преобразований в момент наивысшего развития системы — *своевременные* (см. рис. 2б), когда ее потенциал уже исчерпан, а стадия деградации еще не началась. Но данный вариант одновременно и наиболее сложный, поскольку к точке наивысшего развития система подходит в максимально неустойчивом состоянии. Это требует предельной осторожности при проведении преобразований.

Еще один вариант осуществления целенаправленных преобразований основан на использовании синергетического эффекта, который возникает благодаря совместному взаимозависимому действию объективного и субъективного в процессе развития. В экономическом развитии любые целенаправленные действия по преобразованию системы будут накладываться на внутренние закономерности и механизмы ее функционирования и развития. В том случае, когда системе навязывается необходимое поведение, ожидать положительного синергетического эффекта вряд ли нужно. Эффективность процессов управления во многом определяется тем, насколько полно были учтены параметры объективных процессов и насколько эффективными оказались меры, направленные на синхронизацию темпов их протекания и предотвращение или минимизацию неблагоприятных эффектов развития. Именно такие преобразования называются *синергетическими*. При этом соотносительность объективных и субъективных процессов выражается в том, что чем в большей степени протекание субъективных процессов основывается на параметрах объективных процессов развития, тем выше устойчивость и эффективность функционирования системы. Динамика такого процесса

показана на рис. 2г. В тот момент, когда система находится в стадии роста, начинается подготовка к ее будущему преобразованию, что позволяет в точке максимальной устойчивости *О* начать преобразования, которые дадут возможность вывести систему на новый, более высокий уровень развития, сохранив ее воспроизводственную целостность.

Разумеется, реализация такого варианта преобразований требует высочайшей квалификации инициаторов. Непременной частью управленческой деятельности становится мониторинг состояния системы управления, отслеживание накапливающихся несоответствий, прогнозирование последствий происходящих изменений и своевременное внесение необходимых коррективов в функционирование системы. Иными словами, управление кризисами и построение преобразований должны носить стратегический характер. Именно такой тип управления позволяет расширить пространство управленческой деятельности, включив в систему принятия и реализации управленческих решений не только основные элементы внутренней среды экономической системы, но и внешние аспекты ее деятельности, а также создать условия для принятия упреждающих решений в отношении кризисов.

Примечания

¹ Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М., 1999. С. 14.

² Мищенко Л.Я. Теория и практика антикризисных преобразований в экономике. М., 2004. С. 30.

³ Сазонова Г.П. Теория и практика структурных трансформаций экономических систем. СПб., 2002. С. 80.

⁴ Яковец Ю.В. Указ. соч. С. 290.

⁵ Анатомия кризисов / А.Д. Арманд, Д.И. Люри, В.В. Жерихин и др. М., 2002. С. 150.

Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ

кандидат экономических наук, доцент

Байкальского государственного университета экономики и права, г. Иркутск

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Слово «историография» используется для обозначения не только исторического знания (науки), но и в более узком смысле — знания о развитии исторического знания, науки или даже истории изучения

какой-либо проблемы, т.е. истории историографии. К настоящему времени сложились институциональные различия в изучении предметной области нашего исследования: с одной стороны, история историко-экономи-

ческого знания как субдисциплинарная историография выступает неотъемлемой частью исторической науки; с другой — «экономическая историография» («историко-экономическая историография», «историография экономической истории») является самостоятельным исследовательским направлением в экономической истории как отрасли науки экономической¹.

Отечественная историческая наука обратилась к обсуждению проблем экономической историографии в узком смысле как направления науки, занятого изучением процесса развития историко-экономического знания, только в середине XX столетия. Это является лишним свидетельством того, что сами историко-экономические исследования находились в нашей стране на крайне низком уровне, явно недостаточном, чтобы рефлексия по поводу историографирования данного процесса могла выделиться в самостоятельную отрасль знания.

Зачинателем этого исследовательского направления в стране стал историк В.К. Яцунский. Материалы, отложившиеся в его личном архивном фонде, а также немногочисленные публикации в рассматриваемой области с полным правом позволяют назвать данного ученого первопроходцем, автором первых фундаментальных исследований по истории историко-экономической науки.

В октябре 1946 г. на заседании историографической комиссии Института истории АН СССР В.К. Яцунский выступил с докладом «Возникновение экономической историографии», в котором связал зарождение экономической истории как отрасли исторической науки с появлением в достаточном количестве специальных сочинений или глав специального экономического содержания в общих работах. Наука, занятая изучением хозяйственного прошлого, стала складываться в основных своих чертах в XVIII столетии, однако формирование ее происходило вне рамок исторической науки. Ее творцами были экономисты в широком смысле этого слова, не столько «теоретики», сколько авторы, писавшие по вопросам экономической политики и статистики².

Ученый характеризует экономическую историографию как малоизученный участок истории отечественной науки: «Историки исторической науки, сосредоточив свое вни-

мание на отдельных историках и на ведущих течениях исторической мысли в России, вообще уделяли мало внимания историческому рассмотрению проблематики исторических исследований и в частности изучением истории экономической историографии совсем не занимались»³.

В.К. Яцунский не просто констатирует отсутствие специальных работ по истории экономической историографии России, написанных историками, но подвергает критике общие историографические работы, авторы которых стали заложниками схемы — «направлений» и «течений» развития исторической науки, «встраивая» в нее или «вычлняя» из нее целые отрасли исторического знания. Он отмечает отсутствие внимания к прошлому историко-экономического знания со стороны экономистов: «Историки русской экономической мысли интересовались развитием в России экономической теории и оставляли совершенно вне поля зрения развитие историко-экономических исследований»⁴.

Лишь конец 1950—начало 1960-х гг. были отмечены обращением к проблемам экономической историографии экономистов. Появляются статьи С.И. Крандиевского⁵, а затем и его монография «Очерки по историографии экономической истории (XVII–XIX вв.)»⁶.

В книге, а также в своей более поздней статье, уже прямо озаглавленной «Проблемы экономической историографии», С.И. Крандиевский, не отрицая факта формирования экономической истории как отрасли исторического знания, последовательно отстаивает мысль об экономической истории как самостоятельной экономической науке. «И в недалеком прошлом, и в наши дни экономическая история — не только отрасль, но и самостоятельная наука, имеющая свой предмет и специфическое содержание»⁷.

Соответственно, под экономической историографией ученый понимает «историографию экономической истории, т.е. самую историю этой науки, начиная с первых работ, посвященных этим вопросам, и кончая современным ее состоянием»⁸, особо подчеркивая связь ее не только с борьбой различных школ и направлений в исторической науке, но и с развитием науки экономической.

Работы С.И. Крандиевского в известном смысле учли претензии, прозвучавшие ранее в адрес В.К. Яцунского как сторонника тема-

тической историографии, или историографии проблемы. Автор в полной мере и последовательно реализовал классовый подход к изучению прошлого историко-экономической науки. Задача историографического изучения, на его взгляд, — «систематизировать... литературу по принципу принадлежности авторов к определенным школам и направлениям»⁹, а точнее — «встроить» такой библиографический обзор в априорно выработанную схему марксистско-ленинской историографии. Схема же эта в случае с экономической историей практически не оставляла исследователю выбора, навязывая экономический редукционизм официального марксизма и кумулятивный путь развития научной рациональности. Основная проблема экономической историографии виделась исключительно в изучении «научного», т.е. марксистско-ленинского, подхода к экономическому обоснованию исторического процесса и критике буржуазного «экономизма».

Оживление интереса со стороны экономистов к проблемам экономической истории как науки, содержательно-предметных ее оснований, появление учебников и учебных пособий по дисциплине в 1960-е гг. не сопровождалось, однако, сколько-нибудь глубокими историографическими разысканиями. Обращение к прошлому своей науки рассматривалось не как фактор ее развития, а, скорее, как «аргумент» в критике все того же буржуазного «экономизма». Преимущественно «разоблачительный» характер носили редкие историографические экскурсы в учебных изданиях, помещавшиеся в разделах «История народного хозяйства — классовая, партийная наука» или «Критика реакционной сущности основных направлений буржуазной историко-экономической науки».

Идеологическая нагруженность исследовательского направления не мешала, тем не менее, следующим поколениям экономистов, во-первых, отстаивать обусловленное наличием специфики анализа экономической литературы право заниматься историей своей науки и, во-вторых, расширять плацдарм исследований, включая в их орбиту новые периоды развития науки, новые имена и историко-экономические сочинения¹⁰.

На исходе минувшего столетия главы, посвященные развитию историко-экономических исследований, были включены в со-

став фундаментальной «Всемирной истории экономической мысли».

И первая же из них, подготовленная для этого издания М.М. Солодкиной, в известной мере порывает с традицией подменять историографический анализ обзором историко-экономической литературы, призванным охарактеризовать состояние науки соответствующего периода. В тексте мы находим указания на внешние и внутренние факторы развития науки, формирование национальных школ, процессы институционализации, развитие представлений о предмете науки и ее категориального аппарата, оценку роли и функций дисциплины в системе экономических наук, наиболее актуальные научные проблемы, решаемые ею¹¹, т.е. на все элементы историографии экономической истории как науки.

К сожалению, почин М.М. Солодкиной не был поддержан, и аналогичные главы в последующих томах издания демонстрируют все тот же традиционный подход «обзорно-библиографического» движения вспять по научным результатам, в основу которого положена группировка материала в соответствии с историческими периодами (античность, средневековье, новое и новейшее время и т.д.)¹², в силу чего в орбиту исследования попали преимущественно работы историков. Впрочем, даже отказ от включения последних в обзор мало влиял на способ анализа историографического материала или хотя бы его подачи. На смену марксистской историографической схеме пришла группировка работ в соответствии с марксистской же периодизацией экономической истории¹³.

Начало нового тысячелетия в развитии отечественной экономической историографии примечательно прежде всего фактом ее деидеологизации. Однако отмена идеологической цензуры и исчезновение прежних «фигур умолчания» хотя и расширили горизонты историографических исследований, но не сопровождалось обращением к новой историко-научной методологии.

Предпринятый нами обзор (в силу небольшого размера статьи вынужденно носящий конспективный характер) более чем полувекового процесса формирования и развития области исследования экономической историографии в нашей стране позволяет диагностировать ряд сложившихся в ней

негативных тенденций и наметить пути их преодоления.

И первая из этих тенденций может быть определена как регулярное расширение границ историографии, понимаемой не иначе как история исторического познания в самом широком смысле слова и сливающейся в этом качестве с философией истории. Уточним, марксистской философии истории, умозрительной дисциплины, предметом которой является создание общей теории всемирно-исторического процесса и которая существует относительно самостоятельно от исторической науки и науки экономической (в марксистском ее варианте имевшей статус исторической дисциплины).

«Исторический детерминизм», в его ультрареволюционном, а затем и догматическом варианте представляющий собой своеобразный симбиоз «историцизма» с историзмом и позитивизмом, был востребован прежде всего с точки зрения его «практических приложений», возможности установления каузальных связей между «экономикой», с одной стороны, и политикой, правом, идеологией — с другой. «Научный» анализ экономического строя общества под углом зрения «материалистического историзма» с неизбежностью превращал экономическую интерпретацию истории в социологическую концепцию — теорию классовой борьбы, а экономическую историю — в обслуживающую ее нужды дисциплину.

Позитивная историографическая разработка содержащихся в этой концепции проблем неизбежно уводила исследователей за пределы собственно историко-научного изучения в области экономической науки в целом и экономической истории в частности. В рамках историко-научного исследования она должна поэтому рассматриваться в качестве сугубо фиктивной конструкции, блокирующей научную (дисциплинарную) рефлексию и, как показывает историографическая практика, крайне удобной для целей квазирелигиозного поклонения и борьбы с научным инакомыслием.

Не менее очевидной, чем расширение границ экономической историографии, тенденцией развития экономической историографии стало игнорирование различий в подходах историков и экономистов к

познанию прошлого экономики, не говоря уже о фактах невнимания к институциональному закреплению таких различий. Различий, впрочем, действительно практически неуловимых, если рассматривать историко-экономическое знание под углом зрения, задававшимся отнесением политической экономии к числу исторических наук и господством в обоих подразделах исторического знания марксистской теории исторического развития.

Унификация, в данном случае порождаемая претензией последней на создание глобальной, или тотальной, истории, будь то с точки зрения объекта исследования или универсальной исторической «отмычки»-метода к его познанию, не просто не замечает уже осуществившегося и институционально оформившегося раздела социального знания на отдельные науки — «историю» и «экономику» и продолжающегося процесса их дисциплинарной фрагментации, но может рассматриваться как безуспешная попытка противостоять объективной тенденции в развитии этих частных наук, как попытка их синтеза, навязывающего интерпретацию, в том числе и историографическую¹⁴.

Изменение угла зрения историографического анализа поэтому предполагает в качестве первоочередного шага обращение к истокам проблемы, т.е. к исходному пункту в становлении дисциплинарной организации экономической истории как результата дифференциации в нашем случае экономического знания.

И наконец, заслуживает быть упомянутым тот факт, что в результате более чем полувековой эволюции экономическая историография осталась частью самой историко-экономической науки, в силу чего ей присущ преимущественно «обзорно-библиографический» характер обобщения накопленного научного потенциала, его осмысления и оценки с точки зрения современного состояния науки. Между тем груз накопившихся мифов и стереотипов требует «внешнего» взгляда на предмет историко-научного изучения, «сознательной "перпендикулярности" избранного угла зрения относительно внутрипредметных дисциплинарно-историографических перспектив с их неизбежно партикулярной телеологией и упорядочива-

ющей переакцентировкой прошлого "своей" отрасли знания»¹⁵.

Проблемы экономической историографии так на деле и не стали рассматриваться в кругу проблем истории экономической науки, в рамках которой не произошло становления особого исследовательского направления, имеющего своим предметом экономическую историографию, — истории экономической истории как науки, своеобразной «профессиональной» истории этой научной дисциплины, направления, формулирующего и решающего собственные исследовательские задачи, не связанные с решением исключительно внутринаучных проблем, освещающего разнообразные аспекты складывания экономической истории как дисциплины, процессы профессионализации и институционализации этой отрасли знания и т.д. Одна из причин этого кроется в состоянии самой истории экономической науки, уже не одно десятилетие существующей в качестве самостоятельной области исследования и выработавшей собственные методологические подходы историко-научного исследования, при этом, однако, по существу сводившейся к предыстории марксизма с неизбежным акцентом на истории научных идей (экономико-теоретического знания) и преемственности в их развитии — прогрессивном, непрерывном и кумулятивном.

Перемены в сегодняшнем ее состоянии возможны лишь в случае обращения к новой историко-научной методологии, которая сместит внимание исследователей от изучения преемственности в развитии идей к познанию каждой исследовательской программы, школы, экономического направления, дисциплины — в том числе и экономической истории — в контексте собственного времени, места и окружения.

Примечания

¹ Паспорта специальностей ВАК (экономические науки). М., 2001. С. 4. Поскольку словом «экономика» обозначается как объект, так и знание об этом объекте, понятие «экономическая историография» зачастую используется и историками экономической мысли при изучении прошлого своего исследователь-

ского направления, т.е. истории экономического знания, науки.

² Архив РАН. Ф. 1639, оп. 1, д. 120; см. также: [Яцунский В.К.] Изучение экономической истории // Очерки истории исторической науки. М., 1955. Т. 1. С. 578–597.

³ Архив РАН. Ф. 1639, оп. 1, д. 120, л. 106.

⁴ Там же, д. 127, л. 106.

⁵ Крандиевский С.И. Изучение экономической истории в СССР за 40 лет // Труды экономического факультета. Харьков, 1957. Т. 3. С. 319–346 (Учен. зап. Харьк. ун-та. Т. 92); Он же. Историческая школа в политической экономии и буржуазная экономическая история // Научные записки / Харьк. ин-т сов. торг. Харьков, 1959. Вып. 9 (11). С. 217–234; Он же. К критике методологии буржуазной экономической истории конца XIX века // Труды исторического факультета. Харьков, 1962. Т. 10. С. 70–84. (Учен. зап. Харьк. ун-та. Т. 129).

⁶ Он же. Очерки по историографии экономической истории (XVII–XIX вв.). Харьков, 1964.

⁷ Он же. Проблемы экономической историографии // Экономические науки. 1972. № 2. С. 61.

⁸ Он же. Очерки по историографии экономической истории (XVII–XIX вв.): автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Киев, 1966. С. 5.

⁹ Он же. Очерки по историографии экономической истории (XVII–XIX вв.). Харьков, 1964. С. 14.

¹⁰ Гусейнов Р.М. Вопросы истории советского хозяйства в экономической литературе 1917–1937 годов: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1977. С. 1; см. также: Он же. Первые опыты научного освещения советской экономической истории // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1977. № 1, вып. 1. С. 142–151; Он же. Первые шаги советской экономической истории // Экономические науки. 1990. № 7. С. 66–73.

¹¹ [Солодкина М.М.] История народного хозяйства // Всемирная история экономической мысли. Т. 3: Начало ленинского этапа марксистской экономической мысли. Эволюция буржуазной политической экономии (конец XIX–начало XX в.) / гл. ред. В.Н. Черковец. М., 1989. С. 295–298.

¹² [Дроздов В.В.] История народного хозяйства // Всемирная история экономической мысли. Т. 4: Теории социализма и капитализма в межвоенный период / гл. ред. В.Н. Черковец. М., 1990. С. 286–292.

¹³ [Дроздов В.В.] История народного хозяйства // Всемирная история экономической мысли. Т. 6: Экономическая мысль социалистических и развивающихся стран в послевоенный период (40-е–первая половина 90-х годов) / гл. ред. В.Н. Черковец. М., 1997. С. 495–501.

¹⁴ Мегилл А. Историческая эпистемология: пер. с англ. М., 2007. С. 256.

¹⁵ Козлов С., Дмитриев А. История филологии с прагматической точки зрения // Новое литературное обозрение. 2006. № 6 (82). С. 8.